

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Оформление серии *К. Гусарева*

Редактор серии *Т. Масленникова*

Крамер, Марина.

К77 Пластика души / Марина Крамер. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер).

ISBN 978-5-04-106373-3

Пациентка Куликова показала Матвею Мажарову странной с самого первого визита в клинику. И дело было даже не в том, что она требовала переделать ее лицо целиком и полностью, хотя никаких видимых причин для этого не имелось. Удивило Матвея то, что женщину все раздражало и создавалось впечатление, будто у нее большие проблемы с психикой. Поэтому Мажаров и отправил Куликову сперва к психологу, который, впрочем, никаких отклонений от нормы у нее не выявил. Только Матвея это ничуть не убедило, что женщина — именно та, за кого себя выдает...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106373-3

© Крамер М., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Часть 1

Этот мир — гора,
а наши поступки — выкрики.
Эхо от выкриков всегда возвращается к нам.

Анхель де Куатье «Схимник»

***Я** отличная актриса, кто бы мог подумать. Столько лет играть роль и ни разу — просто ни разу — не сбиться с текста, не выйти из образа, не перепутать жесты... Если бы это был сериал, мне определенно присудили бы «Оскара» за главную женскую роль. Но, к сожалению, это не кино, это даже не роман — это моя жизнь. Жизнь, которую я собственноручно придумала, срежиссировала и сыграла. Я знаю, что вместо возжеленного «Оскара» меня ждет расплата за все, что я сделала. Но все это уже не важно. В жизни, как выяснилось, вообще мало что важно...*

Аделина

Каждое утро я благодарю судьбу за то, что мне не приходится буквально отрывать себя от подушки, чтобы тащить тело на ненавистную работу. Наверное, это не совсем верно, и дело не в судьбе, а в том,

что я собственными руками выстроила то, что имею сейчас, и именно я сделала так, что утром, открыв глаза, чувствую прилив сил и огромное желание поскорее оказаться там, где нужна, где меня ждут и смотрят с надеждой. Любимая работа — это все-таки очень важно.

Именно с такими мыслями я проснулась и сегодня, встала, открыла настежь окно и зажмурилась от яркого солнца, мгновенно заполнившего всю спальню. Июнь в этом году радовал теплой погодой и полным отсутствием дождей. Меня такая погода всегда мотивировала и вдохновляла, потому все, за что я бралась, шло гладко.

Сверившись за чашкой кофе с ежедневником, я спланировала предстоящий день, прикинула, во сколько смогу закончить работу и покинуть территорию возглавляемой мной клиники, и написала сообщение подруге. Мы собирались встретиться вечером и обсудить отпуск. Да, в кои-то веки я решила взять паузу на десять дней и поехать отдыхать в компании Оксаны. Ее муж Сева не возражал, скорее даже настаивал на нашей поездке, порекомендовав на выбор несколько мест, где мы могли бы без помех отдохнуть и расслабиться. Не знаю, как Оксане, но мне это было просто необходимо. За прошедший год я столько работала, что даже сама почувствовала, как устала. Да и состояние здоровья стало меня беспокоить, хотя я, как и практически все врачи, отношусь к этому довольно наплевательски. Но после полученного ранения в шею меня то и дело стали мучить то

ночные страхи, то головные боли, и я рассудила, что оставлять это без внимания нельзя в первую очередь потому, что мое состояние может отразиться на моих больных. Какой из меня хирург с головной болью? Правильно, никакой.

Удар топором я получила год назад — отец одной пациентки напал на меня на парковке у дома, желая отомстить за, по его мнению, нарушенное право родителя запретить лечение ребенка. Но в той ситуации я просто не видела выхода — лицо девочки было обожжено кипящим маслом, и мы — в основном, конечно, хирург Матвей Мажаров, а потом уж я — решили, что операция необходима. Отец же, какой-то особо исступленный сектант, не дал бы разрешения на манипуляцию, и мы с Матвеем, заручившись поддержкой соответствующих инстанций, прооперировали ребенка. Мне, кстати, повезло больше, потому что свою соседку, которая и привезла девочку в нашу клинику, этот сумасшедший зарубил. Меня же спас Матвей, вовремя оказавшийся рядом и сумевший частично отразить нападение, иначе моя голова отлетела бы, как кочан капусты. А так топор только повредил мягкие ткани шеи недалеко от сонной артерии, что в общем-то тоже можно считать везением. Матвей не дал мне истечь кровью, зажимая рану руками до самой операционной, и через некоторое время сам провел пластическую операцию по устранению рубца. Я довольно долго тренировала руку, но в конце концов снова смогла встать к операционному столу и продолжить заниматься своим делом.

Мажаров... мои мысли снова вернулись к нему. Не знаю, чего мне не хватало, чтобы ответить ему взаимностью на ухаживания. Умный, талантливый, недурен собой... Но меня что-то держало, что-то такое внутри не позволяло окончательно расслабиться и проявить какие-то эмоции. Мы довольно часто ужинали вместе, ходили в театр, иногда просто гуляли в выходной где-нибудь за городом, но переступить грань, за которой заканчивается дружба и начинаются романтические отношения, я так и не могла. Возможно, к этому меня подталкивала наша совместная научная работа. Я уже проходила такое — мой первый мужчина тоже был хирургом, тоже вел разработки в области пластической хирургии, был моим научным руководителем — и совершенно спокойно и без угрызений совести присвоил мою работу, не указав даже моего имени в статье, а потом и вовсе уехал в другой город, даже не потрудившись сообщить об этом. Такое предательство совершенно отучило меня верить мужчинам.

Работать с Мажаровым было комфортно, я понимала, что вряд ли он способен на такую подлость, как Одинцов, но память о прошлом заставляла меня поддерживать только дружеские отношения. Матвей оказался терпеливым, не торопил, не намекал, не пытался сам перешагнуть черту. Оксана считала, что именно его нерешительность заставляет меня отвергать Матвея. Но дело было совершенно не в этом — нерешительным хирурга Мажарова назвать было никак нельзя. Правда, мне иногда казалось, что и Матвею не дает покоя его прошлое, в котором он

тоже столкнулся с предательством, а потому теперь никак не мог до конца доверять женщинам.

Матвей вырос в приемной семье, его родная мать с легкостью отказалась от сына и отдала его совершенно чужим людям, которые, к счастью, вырастили его как родного и дали то образование, которое он хотел получить. Но отношения с женщинами не складывались. И что могло получиться в тандеме людей с таким грузом прошлого? Скорее всего, ничего хорошего. Значит, мы поступали правильно, ограничиваясь только работой и дружбой.

Мажаров не появился на утренней планерке, хотя у нас не было заведено подобное — все должны присутствовать на обсуждении планов на день. Я решила выяснить причину сама, но, уже направляясь в ординаторскую, вспомнила, что нужно зайти в приемное. Мажаров обнаружился там — что-то быстро набирал на клавиатуре, сидя в кабинете для приема.

— Ты почему на планерке не был?

— Моя очередь в приемном сидеть. Как планы на вечер?

Ох ты, я и забыла совсем... и уже с Оксанкой договорилась.

— Мои изменились, — стараясь, чтобы в голосе появились слегка виноватые нотки, сказала я. — Можем перенести?

— Без проблем.

Мы наскоро обсудили новую пациентку, и я вернулась в кабинет. Операций на сегодня у меня на-

значено не было, так что появилась возможность заняться текущими бумажными вопросами. До самого обеда я разбиралась в накопившихся документах, в очередной раз давая себе обещание никогда не накапливать их, а читать и подписывать сразу. Тут, правда, я слегка преувеличивала — привычки складывать бумаги в одну кучу и читать их, только когда время подождет, у меня не было, а то, что лежало на столе сейчас, скопилось всего за два дня. Вчера на это не было ни времени, ни сил — я вышла из операционной поздним вечером, а в таком состоянии изучать документы вряд ли кто-то бы смог.

После обеда я вновь обошла свои палаты, проверила послеоперационную больную, поменяла ей назначения и передала их постовой медсестре. Нужно было еще зайти к психологу, узнать, подпишет ли он направление на операцию молодому человеку, пожелавшему иметь нос покороче, а уши — поменьше. Евгений Михайлович как раз заканчивал оформлять его историю болезни и, заметив меня в дверях кабинета, пригласил войти:

— Я уже закончил, Аделина Эдуардовна, присаживайтесь.

— Я на минутку, узнать, подпишете ли заключение?

— Да, подпишу. Он совершенно адекватен и отдает себе отчет в том, что делает и говорит. А внешность, согласитесь, довольно специфическая.

— Ну, стало быть, назначаем операцию на следующей неделе.

- Вы же в отпуск собирались?
- И собираюсь. Мажаров сделает.

Психолог снял очки и, сунув дужку в рот, посмотрел на меня:

— А вам не показалось, что у Матвея Ивановича... как бы это сказать... душа, что ли, не лежит к подобным операциям?

— В каком смысле?

— Ну, не любит он с изменениями внешности работать. Ему больше нравится восстановительная хирургия.

— Ну и что? — пожав плечами, отозвалась я. — Он прекрасно знает правила игры. Восстановительная хирургия у нас бесплатна, а коррекционная стоит довольно больших денег, и, чтобы заниматься первым, мы должны делать и второе. И личные предпочтения хирургов тут вообще ни при чем.

— Да я же ни на что не намекаю...

— А мне показалось, что вы хотели меня предостеречь.

— От чего? — удивился Евгений Михайлович.

— Я могу ошибаться, тогда заранее прошу меня извинить, но в ваших словах я услышала намек на то, что к коррекционным операциям хирург Мажаров относится не с должным вниманием, а делает их потому, что обязан.

— Вовсе нет! — запротестовал психолог. — Я поделился с вами личным наблюдением, ничего более. Я же не бываю в операционных, не могу оценить профессиональные качества.

— А я, представьте, могу. И хирург Мажаров один из лучших сейчас в клинике.

Психолог как-то странно на меня посмотрел, и я вдруг подумала, что он подозревает меня в личной заинтересованности и в том, что наши отношения с Матвеем не дают мне увидеть то, что видит он. Еще не хватало, чтобы коллеги и подчиненные подозревали меня в неадекватной оценке возможностей сотрудников!

— Евгений Михайлович, давайте так. То, что я иногда встречаюсь с Мажаровым вне клиники, вовсе не делает меня слепой по отношению к нему. И если он станет пренебрегать своими прямыми обязанностями, я откажусь от его услуг ровно в ту же минуту, как пойму это. И никакие личные отношения не заставят меня поступить иначе, потому что репутация собственная и клиники волнует меня куда сильнее. Надеюсь, я внятно все объяснила?

— Вполне. Я только не понял, с чего вдруг вы начали оправдываться, словно я вас в чем-то уличил?

Я слегка растерялась — а ведь и правда, с чего бы мне оправдываться?

— Евгений Михайлович, ну, мы ведь поняли друг друга, да? — уклонилась я от ответа.

— Аделина Эдуардовна, вам, мне кажется, действительно пора в отпуск, — вздохнул психолог. — Нельзя столько работать, а особенно если вы сами после травмы. Кстати, вы прекратили ко мне приходить с этим вопросом.

— Мне показалось, что мы закончили. Меня не преследуют кошмары, я нормально сплю, никакие мысли не мучают — ну, кроме тех, что связаны непосредственно с работой. Так к чему мне занимать ваше рабочее время?

— Я, конечно, не могу настаивать, но порекомендовал бы все-таки еще несколько сеансов.

— Давайте так договоримся. Я сейчас в отпуск съезжу и, если вдруг почувствую необходимость, непременно к вам приду, хорошо? — Я взялась за дверную ручку, собираясь покинуть кабинет, и Евгений Михайлович улыбнулся:

— Торопитесь сбежать? Значит, я все же прав и не все так безоблачно, как вы пытаетесь мне показать.

— Все, Евгений Михайлович, мне на самом деле пора, — проговорила я и все-таки вышла из кабинета.

Черт побери этого Евгения Михайловича, ведь он совершенно прав... Я не совсем еще оправилась и про сны соврала — они мне снятся, да еще какие красочные... Но времени на задушевные беседы с психологом у меня нет, я должна работать. Потому что это забирает меня полностью и не дает отвлекаться на такие мелочи, как ночные кошмары.

Вечер я провела в гостях у подруги. Приятно все-таки иметь такое место, где тебе рады и где к твоему приходу обязательно накроют стол и приготовят что-то умопомрачительно вкусное. Сева в этом смысле всегда был на высоте. «Заведи себе своего такого Севу, в чем проблема-то? — всякий раз говорила